

ИСТОРИКО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КИТАЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье рассматривается историко-символический компонент образа Китая в СМИ, представленный такими метафорическими наименованиями, как Поднебесная и Дракон. Опираясь на примеры представления образа Китая в таких газетах, как «Аргументы и факты», «Ведомости», автор раскрывает характер отношений к Китаю с помощью историко-символических метафор.

Ключевые слова: образ Китая, Поднебесная, дракон, метафоры, историко-символический компонент.

Czinczin Czin

THE HISTORICAL AND SYMBOLICAL REPRESENTATION OF CHINA IN THE RUSSIAN CULTURE ON MATERIAL OF PRINTED MEDIA

The article examines the historical and symbolic component of China's image in the media, represented by such names as the metaphorical "Celestial Empire" and "Dragon". Based on the examples of China's representation in the image such as a newspaper "Arguments and Facts", "Vedomosti", the author reveals the nature of the relationship to China with the help of historical and symbolic metaphors.

Keywords: Image of China, Celestial Empire, dragon, metaphors, historical and symbolic component.

К важнейшим задачам современной лингвистики относится исследование взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, выявления способов и средств проявления, отражения и фиксации культуры в языке, в том числе реконструкция национальной картины мира через системное описание языковой картины мира того или иного этноса. Частью языковой картины мира народа является образ другой страны, другого народа. Поскольку каждая национальная культура представляет собой самодостаточный мир, а чужое (другое) понимается и осознается преимущественно в рамках своей культуры, образ иной культуры может не соответствовать своему прототипу. Особая роль в формировании, утверждении или корректировке культурных клише в восприятии «другой» («чужой») страны в современном мире при-

надлежит СМИ, которые могут оказывать существенное влияние на межкультурную коммуникацию разных народов.

Цель настоящей статьи заключается в анализе одного из смысловых компонентов многогранного образа Китая в российских печатных СМИ, который будет называться в дальнейшем историко-символическим. Использование историко-символической лексики в названии другой страны имплицитно указывает на отношение к ней как к малоизвестной стране с незнакомой и таинственной на первый взгляд культурой. В текстах российских СМИ историко-символические метафоры чаще всего используются как синонимы имени собственного «Китай», что вносит дополнительные эмоционально-оценочные коннотации в значение топонима. Наиболее популярной метафорой, которую

используют как массовая газета «Аргументы и Факты» (АиФ), так и деловая «Ведомости», и самым распространенным синонимом топонима «Китай» является лексема «Поднебесная»:

(1) Из-за границы Поднебесная выглядит строгой тиранкой, зажавшей горло народа в железный кулак, но это уже давно не так [АиФ, 19/12/2012];

(2) Проглотит ли Поднебесная республики бывшего СССР? [АиФ, 26/06/2013].

Используя лексему «Поднебесная», авторы публикаций персонифицируют образ Китая, как это проявляется в примерах 1 и 2, представляя Китай как «строгую тиранку» или некое существо, способное «проглотить» что-либо. Человеческие черты этого образа смягчаются женским родом лексемы «Поднебесная». «Женское» в русской языковой картине мира ассоциируется с мягкостью, текучестью (как и в китайской картине мира), поэтому восприятия образа «железного кулака» не вызывает негативной коннотации, как и способность «проглотить» республики бывшего СССР.

Что стоит за термином «Поднебесная»? Императора в Китае называли «сыном неба» или представителем неба на Земле, и, согласно конфуцианской традиции, его владениями был весь поднебесный мир. Это представление возникло до того, как Китай осознал себя частью большого мира, но и позже термин «Поднебесная» использовался классической китайской философией как синоним порядка и цивилизации в китайском их понимании, и ставил Китай в центр мира, окруженного вассалами или варварами. Одной из главных святынь Китая является Храм Неба в Пекине, где императоры молились Небу и просили его о процветании государства.

Роль неба в китайской культуре отражают реалии, которые встречаются в статьях, посвященных Китаю и его достопримечательностям:

(3) Завершается храм павильоном Тянь-куандянь (Дворец, дарованный небом), по-

строенным в период династии Сун (960–1279 гг.). Внутренние стены покрывает уникальная фреска длиной 62 м и высотой 3,3 м под названием «Инспекция Поднебесной богом горы Тайшань» [АиФ, 07/08/2013].

Эти примеры свидетельствуют, что даже в исторически закрепленных названиях предметов материальной культуры присутствует упоминание неба, как «дарующего», «инспектирующего», что еще раз доказывает важность культа неба в китайской культуре.

Сегодня в Китае значение метафоры «Поднебесная» переосмыслено: произошло расширение значения слова, и теперь «Поднебесным» считается весь мир, иначе: это обозначение используется как синоним мира в целом, однако в русской этнокультуре оно используется как синоним самого Китая. Можно предположить, что, используя этот символ Китая, журналисты, пишущие о Китае, следуют сложившейся традиции, кроме того он прижился благодаря своей очевидной яркости и культурной обусловленности.

Реже в качестве метафорического обозначения Китая используется образ Дракона. В связи с интенсивным экономическим развитием Китая его сравнение с мифологическим, сильным существом вполне уместно. Надо заметить, что дракон в Китае считается добрым существом, по крайней мере, для почитающих его китайцев, то есть для китайской культуры в состав значения лексемы «дракон» входят семы «добрый», «дарующий дождь» [1]. Содержание этого символического образа включает такие его значения, как «мифологическое существо», таинственное, неизвестное, сильное, большое.

Дракон считается символом Китая, его самостью, потому лексема «дракон» используется как синоним Китая, и в газете АиФ, и в деловой газете «Ведомости», что позволяет говорить об устойчивости этого образа Китая:

(4) Китай рассматривает свою самость как: Дракон — это сила, он спал, потом проснулся и должен взлететь [АиФ, 18/04/2012];

(5) Высокие технологии: Медведи против драконов [Ведомости, 01.04.2005].

Пример 4 отражает астрологические представления китайцев, согласно которым в год Дракона их страна должна воспрянуть, подобно спавшему до этого дракону. Интересно, что частотность использования этого культурно-исторического символа с статьях о Китае возросла именно в 2012 году — по китайскому календарю году Дракона, что удачно совпало с экономическим «взлетом» Китая.

Распространенный культурно-исторический символ России — медведь (пример 5) противопоставляется дракону, что может рассматриваться как укоренение образа дракона в статусе символа и образа Китая, так как он здесь соплагается с символом России.

Анализ оснований вхождения лексемы «дракон» в лексикон российских печатных СМИ дает возможность выявить его историческую обусловленность:

1. Китайских императоров называли детьми дракона, а значит, его прямыми избранникам, что выражалось в их привилегии носить одежду с драконом [1].

2. Материальная культура китайского народа очень часто использует образ дракона: это и традиционные украшения крыш домов, статуи, чаны, ручки дверей — около 9 видов драконов, отвечающих за разные отрасли жизнедеятельности (9 детей дракона Луны) [2].

3. Дракон часто изображается в произведениях искусства, в том числе и как символ императоров.

4. Распространены и многочисленны праздники, посвященные драконам (праздник середины года и др.), во время которых дракона кормят, развлекают, а фигура дракона — один из самых зрелищных моментов праздника.

5. С драконом связаны множество легенд и поверий (в том числе и важных для прежнего Китая — сельскохозяйственных) [3]. Можно сказать, что образ дракона — это культ, которому, если не поклоняются, то,

как минимум, обращаются с просьбами и за помощью.

Очевидно, что этот символ Китая не прижился бы, если бы не соответствовал внешней и внутренней политике Китая.

I. Внешняя политика.

(6) Отношения нынешних государств Средней Азии с Китаем напоминают дружбу дракона и хомячка. Хомячок понимает: каким бы вежливым ни было это общение, финал у него один — в пасть дракону [АиФ, 26/06/2013];

(7) В данном положении России нужно оставаться мудрой обезьяной и переждать когда тигр и дракон максимально измотают друг друга [АиФ, 11/04/2012];

В примерах 6 и 7 зооним дракон противопоставляется другим зоонимам, а отношения между ними становится метафорой отношений между Китаем и другими государствами, что позволяет упростить понимание тонкостей геополитики этих стран. Так, в примере 6 подчеркивается сила дракона и уменьшается сила государств Средней Азии, что имплицитно указывает на тактику Китая «проглатывать» тех, кто слабее, одновременно вуалируя эти опасные отношения вежливостью — характерной чертой китайского этикета. В примере 7 Россия сравнивается с мудрой обезьяной, в нем подчеркивается ее возможность параллельного взаимодействия с сильными государствами, противостоящими друг другу (Китай и США).

II. Внутренняя политика.

(8) Драконовские меры. Насколько эффективна борьба с коррупцией в Китае [АиФ, 17/07/2013].

В примере 8 присутствует языковая игра с использованием известного афоризма о «драконовских мерах», связанного с афинским законодателем Драконтом. Удачное сочетание значений суровости мер Драконта и методов борьбы с коррупцией в Китае (Драконе), применяющем смертную казнь за незначительные взятки, позволяет говорить о драконе как о существе суровом и даже жестоким.

III. Экономика.

(9) «Экспансия дракона» привела к тому, что скоро в руках Китая окажется весь мало-мальски значимый бизнес [АиФ, 10/08/2011];

(10) После краха остается лишь три варианта, — сказал австрийский бизнесмен Фридрих Меершольц. — Идти на биржу труда, повеситься и лечь в постель с китайским драконом. Лично я предпочитаю дракона [АиФ, 10/08/2011].

Антропологизация Китая прослеживается и во фразеологизме «прибирать к рукам» (пример 9). Так, дракон, расширяющий свои территории, «прибирает к рукам» бизнес, причем любой (даже «мало-мальски значимый»). Здесь уместно вспомнить образ жадного дракона, охраняющего свои сокровища и время от времени расхищающего богатства соседних сел, знакомого европейской культуре по сказкам и преданиям. Но этот дракон лучше, чем «биржа труда» или самоубийство, ведь с ним, по мнению австрийского бизнесмена, можно «лечь в постель», то есть рискнуть ему довериться (пример 10).

Образ дракона используется в российских СМИ и для прямого указания на изъяны Китая, что на фоне положительной семантики образа в целом не имеет оскорбительной прагматики:

(11) «Конец света» начнется в Китае? Россия может стать первой жертвой «драконьего кризиса» [АиФ 29/02/2012];

(12) Нашу экономику сравнивают с драконом. — Так вот сердце дракона больше не выдерживает таких темпов. — Чжоу Бо, врач больницы в Шэньчжэне [АиФ, 21/09/2011].

«Драконий кризис» (пример 11) не выглядит жалким, ведь за ним последует «конец света», а значит, даже кризис требует уважения, так имплицитно подчеркивается зависимость России от этих проблем «соседа». Уважительное сочувствие вызывает и дракон с больным сердцем из примера 12. Возможно, это обусловлено значением лексемы «сердце», которое связано с душой, с

миром чувств, в том числе и возвышенных: если у дракона есть сердце, даже большое — он добрый и отзывчивый. Хотя упоминания темпа, который не выдерживает дракон, скорее говорит о его активной деятельности, нежели способности сопереживать и сочувствовать.

В текстах российских СМИ встречаются и сложносоставные образы, задача которых заключается в отображении современной истории и сегодняшнего Китая:

(13) Дракон с серпом и молотом. Почему в Китае коммунисты до сих пор у власти [АиФ, 24/10/2013].

Соединяя исторически значимое для россиян понятие «коммунизм» и его символы — серп и молот — с образом дракона, автор подспудно наделяет образ коммунизма силой дракона, возможно, таким образом, подчеркивая и отличие общественно-политического строя в Китае от коммунизма в России.

Проанализированные примеры свидетельствуют, что образ дракона, как он используется в современных российских СМИ, способствует неоднозначному (сложному) представлению Китая как сильного, влиятельного, вежливого союзника, который вместе с тем склонен к экспансии в отношении соседних территорий и важен для партнерских отношений и для противостояния третьим странам.

В заключение отметим, что историко-символический компонент в представлении Китая в российских СМИ (АиФ и «Ведомости») способствует эмоциональному насыщению образа Китая. Положительная коннотация таких образов-символов, как «Поднебесная» и «дракон», у читателей формирует характер отношения к Китаю.

Можно предположить, что за последние десять лет отношение к Китаю как далекой, «чужой» стране претерпело определенные изменения: от осторожного интереса к неизвестной и потому таинственной стране к признанию Китая как стратегически важного делового партнера.

ИСТОЧНИКИ

«Аргументы и факты» № 32 от 10/08/2011; № 38 от 21/09/2011; № 9 от 29/02/2012; № 15 от 11/04/2012; № 16 от 18/04/2012; № 51 от 19/12/2012; № 26 от 26/06/2013; № 29 от 17/07/2013; № 32 от 07/08/2013; № 43 от 23/10/2013.
«Ведомости» № 1338 от 01.04.2005.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Де Фиссер М.* Дракон в Китае и Японии. Режим доступа: http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/knigi_o_drakonakh/d_r_m_v_de_fisser_drakon_v_kitae_i_yaponii.php
2. *Конвэй Д. Дж.* Танцы с драконами. Мифы и легенды / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2008.
3. *Уильямс Ч.* Китайская культура: мифы, герои, символы / Пер. с англ. С. Федорова. М., 2011.

REFERENCES

1. *De Fisser M.* Drakon v Kitae i Japonii. Rezhim dostupa: http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/knigi_o_drakonakh/d_r_m_v_de_fisser_drakon_v_kitae_i_yaponii.php
2. *Konyvej D. Dzh.* Tancy s drakonami. Mify i legendy / Per. s angl. L. A. Igorevskogo. M., 2008.
3. *Uil'jams Ch.* Kitajskaja kul'tura: mify, geroi, simvol'y / Per. s angl. S. Fedorova. M., 2011.

Е. С. Кузнецов

СИСТЕМНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МОБИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ

В статье рассматривается вопрос системного моделирования мобильного обучения, уточняется FRAME-модель для мобильного обучения английскому языку в дополнительном образовании детей с включением аспекта целей указанного обучения. Визуализирована логическая организация конкретизированной модели, приведено описание ее структурного содержания.

Ключевые слова: мобильное обучение, FRAME-модель, дополнительное образование.

Е. S. Kuznecov

THE SYSTEM MODELING OF MOBILE TRAINING IN ENGLISH IN ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN

System simulation of mobile learning, specification of the FRAME-model for mobile learning in supplementary education of children, including the aspect of learning objectives. Logical organization of the specified model is visualized and the description of its contents is presented.

Keywords: mobile learning, FRAME-model, supplementary education.

Модель мобильного обучения, предложенная М. Кооле [10], FRAME model (Framework for the Rational Analysis of Mobile Education), определяет процесс мобильного обучения как конвергенцию нескольких составляющих, а именно — мобильных технологий